

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 44—68.

Intelligentsia and the World. 2022. No. 4. P. 44—68.

Научная статья

УДК 930.2(470.11)

DOI: 10.46725/IW.2022.4.3

МЕМУАРЫ КНЯЗЯ В. А. ДРУЦКОГО-СОКОЛИНСКОГО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

Алексей Вячеславович Зябликов

Костромской государственный университет, Кострома, Россия,
a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

Аннотация. В статье анализируются страницы воспоминаний В. А. Друцкого-Соколинского, посвященные истории и культуре Костромской земли. Уточняются и дополняются биографические сведения об авторе, который в течение шести лет (1907—1913) служил в Костроме в должности советника губернского правления. Выявляются бытовой, этнографический, нравоописательный, биографический и общественно-политический пластиы этого источника, рассматриваются основные темы

© Зябликов А. В., 2022

и персоналии, привлекающие внимание автора. Констатируется, что важная особенность воспоминаний В. А. Друцкого-Соколинского заключается в органичном соединении опыта повседневной жизни костромского обывателя с мнением чиновника, хорошо знающего административно-хозяйственные, правовые и общественные реалии губернской жизни. Автор имеет свои политические убеждения, свое мнение о различных аспектах действительности, однако это не делает взгляд мемуариста одномерным и тенденциозным. Отмечаются особенности текста как важного источника для изучения культуры повседневности. Выявляются ценностные и мировоззренческие ориентиры, которые раскрываются в авторских нарративах и отчетливо характеризуют умострой русского аристократа. Исследуется связь повествовательно-описательной манеры автора с традициями русской словесности. Отмечается несомненный литературный талант автора, который для воссоздания исторической фактуры отдает предпочтение бытовой зарисовке и нраво-писательному очерку.

Ключевые слова: мемуарная литература, исторический источник, жизненное пространство, провинция, Кострома, крестьянство, чиновничество, земство, промышленники-старообрядцы

Для цитирования: Зябликов А. В. Мемуары князя В. А. Друцкого-Соколинского как источник для изучения истории Костромской земли // Интеллигенция и мир. 2022. № 4. С. 44—68.

Original article

MEMOIRS OF PRINCE V. A. DRUTSKOY-SOKOLINSKY AS A SOURCE FOR STUDYING THE HISTORY OF THE KOSTROMA LAND

Aleksej V. Zyablikov

Kostroma State University, Kostroma, Russia,
a.zyablikov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2054-0066>

The article analyzes the pages of V. A. Drutsky-Sokolinsky's memoirs devoted to the history and culture of the Kostroma land. The biographical information about the author, who for six years (1907—1913) served in Kostroma as an adviser to the provincial government, is being clarified and supplemented. The household, ethnographic, moral, biographical and socio-political

layers of this source are revealed, the main themes and personalities that attract the author's attention are considered. It is stated that an important feature of the memoirs of V. A. Drutsky-Sokolinsky lies in the organic connection of the experience of everyday life of the Kostroma philistine with the opinion of an official who knows well the administrative, economic, legal and social realities of provincial life. The author has his own political beliefs, his own opinion about various aspects of reality, but this does not make the memoirist's view one-dimensional and tendentious. The features of the text as an important source for studying the culture of everyday life are noted. The author identifies the value and ideological guidelines that are revealed in the author's narratives and that clearly characterize the mindset of the Russian aristocrat. The connection of the author's narrative and descriptive manner with the traditions of Russian literature is investigated. The undoubtedly literary talent of the author, who prefers household sketches and a moral essay to recreate the historical texture, is noted.

Keywords: memoir literature, historical source, living space, province, Kostroma, peasantry, bureaucracy, zemstvo, Old Believer industrialists

For citation: Zyablikov, A. V. (2022), 'Memoirs of Prince V. A. Drutskoy-Sokolinsky as a source for studying the history of the Kostroma land', *Intelligentsia i mir* [Intelligentsia and the World], no. 4: 44—68 (in Russ.).

Введение

Актуальность. Мемуарная литература — важный источник изучения истории и культуры Костромской земли. Воспоминания Л. А. Колгушкина [Колгушкин, 1992: 21—25], З. Г. Френкеля [Френкель, 2009], А. В. Лаговского [Лаговский, 2015], обращенные к событиям начала XX в., воссоздают костромскую жизнь в ее бытовом, нравоописательном и общественно-политическом измерении. Изысканной художественностью отличаются мемуары Вс. Н. Иванова [Иванов, 1987]. В воспоминаниях бывшего товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского сановная бесстрастность соединяется с фотографической дотошностью повествователя [Джунковский, 1997]. Особое место в этом ряду свидетельств занимают мемуары князя В. А. Друцкого-Соколинского, изданные тремя томами в Орле в 1994—2000 гг.: «Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880—1914)», «На службе Отечеству. Записки русского губернатора

(1914—1918)», «Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920—1943)». Внушительная их часть посвящена воспоминаниям о службе в Костроме. Эти свидетельства нуждаются в источниковедческом осмыслении.

Постановка вопроса. Целью исследования является характеристика содержательной основы мемуарного источника, выявление его тематических пластов, основных проблем и персоналий, способов воссоздания автором исторической фактуры; анализ приемов погружения в провинциальную повседневность начала XX столетия.

Методология и методы исследования.

Исследование основывается на диалектическом понимании истории и социокультурных процессов, на общенациональных и общелогических методах познания. Используются биографический, историко-сравнительный, идеографический и ретроспективный методы.

Основная часть

Владимир Андреевич Друцкой-Соколинский родился в Петербурге 5 июля 1880 г. в семье чиновника военного министерства. В 1901 г., окончив Императорское училище правоведения и получив чин титулярного советника, князь начал службу чиновником в министерстве юстиции. В 1903—1905 гг. он служил в переселенческом управлении под началом А. В. Кривошеина. В 1905 г. В. А. Друцкой-Соколинский получил назначение в Привислинский край на должность правителя канцелярии Петроковского губернатора М. В. Арцымовича. После перевода последнего в тульскую губернию князь служил под началом нового петроковского губернатора А. О. Эссена. Служба в Привислинском крае пришлась на непростые годы первой русской революции, и молодой чиновник стал свидетелем забастовок в крупных фабричных центрах Польши, шахтерских волнений, революционного брожения и бомб, бросаемых в полицейские патрули и участки. В мае 1907 г. В. А. Друцкой-Соколинский добился перевода в Кострому, где в должности советника губернского правления прослужил 6 лет. В мае 1913 г. сразу после завершения торжеств, посвященных 300-летию династии Романовых, князь был назначен

вице-губернатором Могилевской губернии. В 1914 г. губерния стала прифронтовой, и на плечи нового вице-губернатора легли многие тяжкие заботы. В Могилеве, где поначалу находилась ставка Верховного главнокомандующего, В. А. Друцкому-Соколинскому довелось общаться с высшими сановниками Империи, в том числе и с императором. Николай II, обративший внимание на честного и расторопного чиновника, в августе 1916 г. назначил его губернатором Минской губернии. Таким образом, 36-летний князь В. А. Друцкой-Соколинский стал самым молодым губернатором в Российской Империи, которая, увы, уже стояла на пороге исторической катастрофы. В марте 1917 г. В. А. Друцкой-Соколинский был отстранен от должности Временным правительством. В мае 1917 г. князь совершают головокружительный карьерный пирамид: минский губернатор, камергер, кавалер орденов Св. Владимира 4-й ст. и Св. Анны 2-й ст. превратился в рядового 2-го запасного тяжелого артиллерийского дивизиона. Потом была служба в Смоленском военно-окружном суде, женитьба на Лидии Николаевне Стош (8 июля 1918 г.), арест Чрезвычайной Комиссией, работа в советском военно-цензурном отделе, переход демаркационной линии в местечке Горяны осенью 1918 г. В годы Гражданской войны В. А. Друцкой-Соколинский стал горячим сторонником Белого движения. В 1920 г., после разгрома белых армий, бывший минский губернатор был вынужден покинуть Родину. Живя в Европе, он написал объемные воспоминания — подробнейшую летопись своей жизни, наполненную интересными фактами и глубокими раздумьями о причинах крушения императорской России. Князь В. А. Друцкой-Соколинский умер в Италии в 1943 г., он так и не увидел свои сочинения напечатанными.

История появления В. А. Друцкого-Соколинского в Костроме такова. Служба в Привислинском крае очень скоро стала в тягость молодому чиновнику. Причиной тому не столько тяжелые общественно-политические обстоятельства, связанные с революционным брожением 1905—1907 гг., сколько духовная оторванность от родной земли. Отправляясь в западные пределы Империи, князь даже не мог предположить, насколько чужим окажется для него жизненный уклад благообразной Польши. В какой-то момент чиновника петроковской губернской канцелярии стало

слегка раздражать всё: и черепичные крыши домов, и теснота городов, даже «химический состав воздуха», даже безбородые вокзальные носильщики. Кстати, русские служащие неохотно ехали в Привислинский край, хотя они получали от государства такие же преференции, как, скажем, те, кто служил в сибирской глухомани. Кроме того, ждавшие их должности были, говоря современным языком, коррупционно привлекательными. В карманах уездных и губернских чиновников оседало огромное количество доходов (естественно, нелегальных!), получаемых за выдачу заграничных паспортов, видов на жительство и различных свидетельств, а также при организации торгов и заключении контрактов с магистратами. В. А. Друцкой-Соколинский признавался, что «болезненное сознание» того, сколь страшен соблазн взятки, сколь просто скомпрометировать здесь свою репутацию, стало одной из главных причин, побудивших искать способ покинуть Царство Польское.

В феврале 1907 г., оказавшись по делам в Петербурге, В. А. Друцкой-Соколинский познакомился с генерал-майором А. П. Веретенниковым, недавно (декабрь 1906 г.) получившим назначение губернатором в Кострому. Вероятно, князь поделился с костромским губернатором своей печалью. А. П. Веретенникову, человеку крайне правых взглядов, не могло не импонировать желание молодого чиновника перебраться в одну из коренных русских губерний. Генерал-майор немедленно предложил ему свою помощь, и 4 мая 1907 г. В. А. Друцкой-Соколинский Высочайшим приказом был назначен советником костромского губернского правления. Князь не скрывал своего восторга по поводу нового назначения, хотя это вызвало явное недовольство петроковского губернатора А. О. Эссена, не желавшего расставаться с толковым и добросовестным помощником. Впрочем, А. О. Эссен в конце концов смирился с решением подчиненного и даже преподнес ему на прощание чиновничий мундир с шитьем V класса. Ирония судьбы заключается в том, что во второй половине XX в. советская Кострома стала побратимом польского Петрокова (Пётркува-Трыбунальски), чего, конечно, князь Друцкой-Соколинский предполагать не мог.

28 мая 1907 г. В. А. Друцкой-Соколинский прибыл в Кострому, в которой до этого никогда не был. Князь вспоминает, как в дороге (он добирался ночным поездом из Москвы), его охватило

предвкушение счастья и чуда, которое сулила встреча с лесной северной Русью и красавицей-Волгой. Утром в волнении он смотрел из вагонного окна на редкие, но отличающиеся своею «домовитою зажиточностью» костромские деревни, на ближние к губернскому центру города и поселки — и ощущал нарастающую радость. Вряд ли такое воодушевление при встрече с провинциальным русским городом можно считать каноническим для столичного аристократа. Этот восторг не был поколеблен даже тогда, когда поезд остановился, как показалось новоприбывшему чиновнику, прямо посреди векового березового леса, а вошедший носильщик на недоуменный вопрос: «Что это?» — ответил: «Это, барин, Кострома». В начале XX в. железнодорожный вокзал находился на правом берегу Волги, в Никольской слободе. Спустившись на извозчике к паромной переправе, князь увидел Волгу и раскинувшуюся на ее левом берегу древнюю Кострому: утопающие в зелени дома, белокаменный кремль на городском валу, золотые купола соборов, колокольни. «Могучим спокойствием, — пишет мемуарист, — веет от огромной реки, дремлющей силой и девственно наивной красотой <...>. Дышу полной грудью, вбирая в себя нежную водяную прохладу, обогретую жгучим солнцем, и гляжу, гляжу, не имея сил оторваться от грандиозной картины совершенного творенья Божьего <...>.

Дышу, гляжу — и счастье и радость на сердце... Вот она, Родина моя, моя Россия!» [Друцкой-Соколинский, 1996: 216—217].

Какие же черты определяют своеобразие «Записок русского дворянина» как исторического источника? Во-первых, соединение опыта повседневной жизни костромского обывателя с мнением не последнего в губернии чиновника. Во-вторых, наличие нарратива, позволяющего выявить ценностные основания и внутренние личностные установки одного из представителей образованного сознания России. В-третьих, несомненный литературный талант автора, пишущего прозрачно и безыскусно, но при этом, не упуская интересных деталей и сочных подробностей. В-четвертых, открытый, лишенный опустошающей рефлексии и самоцельного обличительства взгляд на жизненные реалии. Мемуариста можно было бы даже заподозрить в некотором прекраснодушии, если бы не внятное ощущение искренности и мировоззренческой цельности автора, его порядочности и профессионализма. Мемуары

В. А. Друцкого-Соколинского отличаются высокой степенью интеграции субъекта в описываемое жизненное пространство, искренним уважением и доверием к нему.

Маленькая провинциальная Кострома легко вписывается в стереотипное представление о захолустной дореволюционной России, о купеческом «темном царстве». Образы несчастной Катерины Кабановой, бросающейся с волжского берега, и Ларисы Огудаловой, истекающей кровью, заслоняют в нашем восприятии, скажем, кустодиевскую Волгу, где праздник тела плавно перетекает в праздник души. Пессимизма добавил и В. В. Розанов, чьи слова о дождливом и тоскливом костромском детстве так охотно цитируются сегодня. Но вот свидетельство В. А. Друцкого-Соколинского: «В течение всей моей службы в провинции я нигде не видел кругом себя более веселой и широкой жизни, как в Костроме...» [Там же: 268]. Эта жизнь была «не только не утомительна, не скучна и не мертвяща, но, напротив того, это была действительно жизнь и, притом, интересная и разнообразная, полная впечатлений...» [Там же: 279]. Кострома под пером мемуариста предстает как домовитый, хлебосольный, бесконечно уютный и родной мир. Понятно, что такое настроение отчасти рождено ностальгическими переживаниями мемуариста. Он и сам чувствовал, что изображаемые им картины покрыты «какой-то розовой снисходительностью, ласково улыбающейся нежностью» [Там же: 233], но эта очевидная идеализация совсем не затуманивает и уж тем более не деформирует описываемые явления и события.

Воспоминания В. А. Друцкого-Соколинского фиксируют восприятие различных сторон костромской жизни. Чрезвычайно интересен бытовой срез. В воспоминаниях много ярко прописанных деталей, образующих фон костромского бытия: гостиницы, трактиры, меблировка комнат, сервировка стола, освещение улиц, прислуга, охота. Мы видим пароход «Бычков», который, пыхтя, тащит за собой паром. Мы слышим музыку и запах стеариновых свечей в танцевальной зале, где по офицерам Краснинского и Солигаличского резервных полков ведут прицельный огонь глазки местных барышень.

Повышенное внимание В. А. Друцкой-Соколинский, человек не маленькой комплекции и большой гурман, уделяет гастрономической культуре. Вот описание рядового обеда в ресторане

гостиницы «Кострома», где сослуживцы решили попотчевать вновь прибывшего коллегу эксклюзивными костромскими разносолами: «Тут была и зернистая икра с зеленым луком, и копченая стерлядь, и налим с грибами, и раки, вареные в пиве, и грузди соленые со сметаной, и пирожки с молоками, и редька в сметане, и еще Бог ведает какие прелести. Все было чрезвычайно вкусно, в большинстве ново для меня, а главное, что меня подкупило, это какое-то гостеприимство, не ресторанная угодливость, а именно хозяйское хлебосольство, точно я был в частном доме, точно я не платил за свой завтрак» [Там же: 230]. А уж костромской хлебный квас с хреном князь полюбил навсегда и все годы службы в Костроме предпочитал его любым другим напиткам, включая красное и белое вино. На костромской земле князь впервые отведал знаменитую ястычную икру, которая даже на Волге была редка и дорога. Мы узнаем о застольной традиции замораживать шампанское до полутвердого состояния и о том, что назывался этот непременный атрибут костромского ужина «шампанское в иголочку» [Друцкой-Соколинский, 2000: 68]. Интерес автора к гастрономической тематике (с неизменно раблезианским размахом) в какой-то момент может показаться назойливым, но простили мемуаристу его маленькую слабость. В конце концов, на Руси всегда любили хорошо покушать.

Примечательно восприятие В. А. Друцким-Соколинским костромских достопримечательностей. Так, памятник Сусанину работы В. И. Демут-Малиновского показался заезжему петербуржцу неудачным, «убогим», однако все же рождающим чувство «умиления» при воспоминании о подвиге крестьянина. Знаменитая пожарная каланча не вызвала у князя никакого умиления, зато здание окружного суда (дом Борщева) названо «прелестным». Этот же эпитет отнесен к шатровой колокольне церкви (видимо, Воскресенской «на площадке», уничтоженной в советское время) в начале Русиной улицы. А вот стоящая рядом водоразборная башня, «идиотская, неуклюжая», пробудила настоящее эстетическое возмущение автора.

Поначалу В. А. Друцкой-Соколинский поселился в гостинице «Большая Московская» на Павловской улице (ныне проспект Мира), потом снял на Русиной улице двухэтажный особняк, куда перевез из Орловской губернии семью: мать и двух сестер —

Татьяну и Елену. Позже, сменив несколько квартир (одна из них — в доме Карцовых в Гимназическом переулке, ныне улица Лермонтова), В. А. Друцкой-Соколинский обосновался в доме Акатовых на Ильинской улице (ныне ул. Чайковского), где прожил 3 года. На втором этаже дома размещался гражданский (дворянский) клуб, в буфете которого князь иногда заказывал вкуснейшие пироги с грибами или рыбой. Часть дома сдавалась под Костромской губернский статистический комитет, что тоже было на руку князю, впоследствии ставшего членом означенного ведомства. Ильинская улица была, по костромским меркам, местом бойким и оживленным. По соседству с квартирой чиновника находились два кинотеатра: «Современный театр» М. С. Трофимова и «Palais Théâtre» С. К. Бархатова. Рядом — летний ресторан, площадка для оркестра, бульвар, по которому любили прогуливаться костромичи. Неподалеку — номера Вигилянской, трактир и меблированные комнаты И. С. Кострова, транспортная контора Н. И. Кутилина. Впрочем, такое соседство не доставляло хлопот петербуржцу В. А. Друцкому-Соколинскому, который, видимо, не слишком стремился к уединенной жизни затворника и мыслителя.

Не менее любопытен этнографический и нравоописательный срез костромской жизни. Мемуарист отмечает, что костромские крестьяне сильно отличаются от землепашцев черноземных губерний: своим «крупным, кряжистым и осанистым» видом, аккуратной небедной одеждой они скорее напоминают зажиточных однодворцев или сельских торговцев. Автор отмечает открытость и бесхитростность работящих костромских обывателей, их сдержанное, тактичное любопытство, их склонность к неторопливому разговору, умение сдобрить его шуткой. Исключением являются домининские белопашцы — потомки Ивана Сусанина: освобожденные от всех податей и выведенные из подчинения местной администрации, земляки народного героя, по свидетельству В. А. Друцкого-Соколинского, были знамениты как «плохие хозяева, отъявленные лентяи и буйные пьяницы» [Друцкой-Соколинский, 1996: 319].

Духовное и нравственное здоровье костромичей основывается на их глубокой религиозности, лишенной всего показного и экстатично-мракобесного. Это было тихое и светлое молитвенное

умиление, превращавшее каждую церковную службу в праздник души. В. А. Друцкой-Соколинский, ввиду наложенной на него после развода с женой семилетней епитимьи, не мог ходить к причастию и очень страдал от этого. После снятия епитимьи князь погружается в церковную жизнь, как в животворный освежающий источник. Он старается не пропускать службы, свое говение переживает как светлое преображение души. Духовником В. А. Друцкого-Соколинского стал протоиерей Михаил Орлов, настоятель церкви Иоанна Богослова на Каткиной горе (ныне здание планетария на ул. Горной). Самые одухотворенные и поэтичные строки воспоминаний посвящены описанию таинства причащения в маленьком костромском храме. «Я был сам не свой, я не чувствовал себя, — признается мемуарист, — я был в высшем счастье, в блаженстве <...>. Таких минут я больше никогда в жизни не переживал» [Там же: 267]. Можно сказать, что под пером В. А. Друцкого-Соколинского Кострома выступает как некий эталон и квинтэссенция православной церковности.

Выразительны портреты представителей старообрядчества — льняных фабрикантов Григория Клементьевича Горбунова (Нерехтский уезд) и Мефодия Сосипатровича Сидорова (Кинешемский уезд), которые, не отличаясь религиозной толерантностью по отношению к никонианцам, смогли образцово наладить дело на своих предприятиях. Промышленники-старообрядцы дают пример нынешнему поколению предпринимателей в части социальной ответственности бизнеса. Созданным при фабриках Сидорова и Горбунова школам, больницам и рабочим домам, по свидетельству мемуариста, могла бы позавидовать столица. А владелец ситценабивной мануфактуры в Родниках Николай Михайлович Красильщиков даже создал при своей фабрике театр. В. А. Друцкой-Соколинский отмечает, что в миллионере Красильщикове русская сентиментальность и артистизм соединялись с американской деловитостью и энергией. 19 мая 1913 г, когда в Кострому прибыл Николай II, Г. К. Горбунов и Н. М. Красильщиков были представлены императору как предприниматели, пожертвовавшие самые крупные суммы на возведение и обустройство Романовского музея, а М. С. Сидоров — как человек, принесший в дар новому музею коллекцию портретов царствовавших особ из династии Романовых [Празднование трехсотлетия царствования

Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 г., 1914: 81, 84]. Днем позже, осматривая павильоны земской выставки, император обратил внимание на текстильную продукцию, выпускаемую фабрикой М. С. Сидорова. В частности, Николай II поинтересовался тем, кто создает эскизы тканевых рисунков. Польщенный вниманием государя промышленник, не скрывая гордости, сообщил, что все рисунки оригинальны и выполняются в художественной мастерской при фабрике [Там же: 191].

По свидетельству мемуариста, в Костроме бурлила и светская жизнь. Что там Париж эпохи Оноре де Бальзака! Балы и приемы в Костроме следовали один за другим. Их королевами были жены здешних чиновников и крупных предпринимателей. Холостые господа (к каковым принадлежал и сам мемуарист) шли нарасхват и по очереди приглашались на завтраки и обеды. Дружеские ужины в костромских ресторанах нередко затягивались до утра, но никогда не превращались в нечто недостойное или безобразное. Очагами светской жизни в Костроме были Дворянское собрание, драматический театр, дома губернатора А. П. Веретенникова, городского головы В. А. Шевалдышева, председателя окружного суда Я. Я. Чемодурова, прокурора Н. Л. Шкотта, товарища прокурора П. П. Воинова, секретаря акцизного управления Бельченко. С появлением в Костроме нового губернатора П. П. Шиловского в моду вошли вечера камерной музыки (новый глава губернии оказался прекрасным пианистом и скрипачом), а приемы по размаху и великолепию приблизились к столичным: «котильон, цветы из Ниццы, буфет с шампанским и ананасами, ужин на маленьких столиках, меню на французском языке, лакей в чулках и сам хозяин в придворном вицмундире...» [Друцкой-Соколинский, 1996: 275].

Некоторые сюжеты из жизни костромского бомонда балансируют на грани между романом плаща и шпаги, фарсом, байкой и анекдотом. Такова, например, история похищения товарищем прокурора П. Г. Курловым невесты Ивана Михайловича Чумакова, впоследствии крупного костромского махорочного фабриканта. Или сюжет, иллюстрирующий чудовищную скопость юрьевецкого миллионера Миндовского.

Неявно, но обозначена в мемуарах такая тонкая и щекотливая тема, как костромской адюльтер. Несомненно, он имел место,

но в провинции никто никогда не афишировал своих сердечных увлечений и уж тем более не бравировал ими. Рассказывая о своей поездке на пароходике «Белочка» в Лунево, автор стремится захватить внимание читателя жарким политическим спором, вспыхнувшим между пассажирами. Однако, как можно догадаться, главной целью этого круиза было романтическое свидание князя с жившей на одной из луневских дач дамой. Стыдливая и блудущая себя провинция противопоставляется мемуаристом бесстыдному Петербургу. В. А. Друцкой-Соколинский отмечает, что если какая-то дама сидела перед мужчинами, «развались в кресле и за-драв платье до колен», то можно было безошибочно утверждать, что это «приезжая из столицы» [Там же: 278].

Костромская жизнь существенно изменила жизненный ритм В. А. Друцкого-Соколинского. Зимой свободное время проходило в светских хлопотах и развлечениях. Весной князь, заядлый охотник, отправлялся с ружьем на заливные луга Ипатьевского монастыря. Летом начинались дальние командировки в уездные города для ревизии земских и городских управ. Уже находясь в эмиграции, В. А. Друцкой-Соколинский с особой ностальгией вспоминал свои поездки по Костромской губернии. Мы видим картину подготовки к сплаву на реке Ветлуге, девственные костромские леса. Иногда поездки были сопряжены с опасными приключениями. Такова переправа через Волгу в районе Кинешмы в последнюю ночь перед ледоходом, когда князь уцелел благодаря сопровождавшим его смышленым костромским зимогорам. Такова охота в безбрежных варнавинских лесах, когда князь со своим слугой Михаилом, заблудившись, проплутали несколько дней. Где-то там, в самой глухомани, они оставили вырезанную на вековой сосне надпись: «Князь Друцкой и Михайло Образцов. 1912 г.». По свидетельству В. А. Друцкого-Соколинского, на этот артефакт спустя год наткнулись нижегородские землемеры и даже занесли историческую надпись в план как межевой знак [Друцкой-Соколинский, 2000: 109].

Биографический и общественно-политический срез воспоминаний представлен колоритной галереей людей, которые формировали костромскую управленческую колонну. Вот, например, портрет губернатора Алексея Порфириевича Веретенникова: «Моложавый, худой, стройный и очень элегантный генерал...

производит на меня самое симпатичное впечатление простотой обращения и лишь в лице, в одном опущенном и всегда кривя-щемся углу рта, есть какой-то отблеск, какой-то штрих чего-то за-таенного, скрытого, неверного, почти фальшивого» [Друцкой-Соколинский, 1996: 220]. Мемуарист отмечает любопытную осо-бенность общественных воззрений губернатора, вполне по-леонтьевски и по-розановски полагавшего, что, чем левее полити-ческие взгляды человека, тем менее устойчивы его моральные принципы и деловые качества и тем более склонен он к казно-крадству. В. А. Друцкой-Соколинский поначалу счел такое мнение излишне категоричным, но впоследствии признал его спра-ведливость и в качестве непременного члена губернского присутствия (назначен на эту должность в июле 1907 г.), он помо-гал генерал-майору сдерживать набиравшее силу либерально-кадетское влияние в губернском и уездных земствах. В целом симпатизируя политическим воззрениям А. П. Веретенникова и положительно оценивая качества губернатора как государствен-ника и хозяйственника, В. А. Друцкой-Соколинский отмечал его резкость и беспаллиционность в суждениях, что только осложня-ло диалог с оппонентами — городским головой Г. Н. Ботниковым, председателем губернской земской управы И. В. Шулепниковым, ее членами А. В. Перелешином и Н. Е. Власовым, а также пред-ставителями уездных земств. Хозяйственные и общественные де-баты, шедшие на заседаниях губернского присутствия, высвечи-вали непримиримость характеров и сторон. Основная борьба развернулась между консервативным губернским присутствием и левокадетской губернской земской управой, что было выражени-ем идущей в те годы в России схватки между «приказной» и «зем-ской» идеями. Используя вполне законные рычаги, то есть, говоря современным языком, административный ресурс (выявление рас-трат и подлогов, уличение в антиправительственной риторике), консерваторы одержали временную победу. «Уголовные дела, — свидетельствует В. А. Друцкой-Соколинский, — сыпались, как с веяльной лопаты зерно...» [Там же: 241]. Последней каплей стало дело о строительстве Костромским уездным земством психиатри-ческой лечебницы в селе Никольское, когда перерасход средств превысил 100 процентов и страховой капитал земств оказался обескровленным. Губернатор использовал организационные

и финансовые просчеты в реализации этого проекта для того, чтобы нанести последний удар по ненавистным ему земцам-кадетам. Однако победа оказалась пирровой. Председатель губернской земской управы И. В. Шулепников благополучно пересел в кресло депутата Государственной думы. Репутация самого А. П. Веретенникова оказалась окончательно подмоченной: губернатор искоренял либеральную «заразу», не гнущаясь никакими методами. Издаваемая под его патронажем газета-листок «Рабочий», редактируемая талантливым, но нещепетильным журналистом Н. И. Еремченко, по части инсинаций и грязных оскорблений могла бы составить конкуренцию одиозно-черносотенным изданиям типа «Русского знамени» или «Веча». Даже отнюдь не симпатизирующий либералам В. А. Друцкой-Соколинский характеризует тональность «Рабочего» как «абсолютно неприличную, недопустимую» [Там же: 242].

Несмотря на далескую лестную характеристику некоторых качеств А. П. Веретенникова, В. А. Друцкой-Соколинский утверждал, что именно годы службы под началом неприветливого генерал-майора явились наиболее полезными для выработки профессиональных качеств законоведа и администратора. Именно тогда молодой чиновник, по его собственному признанию, «служебно сформировался, приучился разбираться в людях, различать намерения и расценивать местную общественную жизнь по ее действительному достоинству» [Там же: 243].

Сменивший в феврале 1910 г. А. П. Веретенникова на посту губернатора Петр Петрович Шиловский, по свидетельству мемуариста, являлся полной противоположностью своего предшественника, ибо мало интересовался политикой и текущими делами. Куда больше П. П. Шиловский был увлечен усовершенствованием изобретенной им монорельсовой железной дороги. По его распоряжению на первом этаже губернаторского дома были устроены механические мастерские, где слесари под присмотром самого П. П. Шиловского строили модели паровозов и вагонов, которые потом «благополучно... бегали по всему губернаторскому саду» [Там же: 248]. При англомане П. П. Шиловском началась электрификация Костромы. Тогда же в городе появился и первый автомобиль. При П. П. Шиловском В. А. Друцкой-Соколинский поднялся еще на одну ступень в своей служебной карьере:

в 1911 г. чиновнику был присвоен чин коллежского советника (VI класс табели о рангах).

Петр Петрович Стремоухов, назначенный костромским губернатором в конце 1912 г., предстает на страницах воспоминаний как опытный и дотошный организатор, как человек исключительного благородства. Впоследствии П. П. Стремоухов, уже в должности директора департамента общих дел, хлопотал о служебном продвижении могилевского вице-губернатора В. А. Друцкого-Соколинского и оказывал ему всяческое дружеское содействие.

Вице-губернатор Федор Александрович Бантыш запомнился мемуаристу как человек, сочетающий «победоносную мужественность» и джентльменство с сибаритством и полным отсутствием деловой сосредоточенности. Князь А. И. Оболенский, исполнявший обязанности вице-губернатора с января 1908 по август 1910 г., по свидетельству В. А. Друцкого-Соколинского, отличался «безмерной гордостью и чванливостью» [Там же: 276].

Хорошие отношения сложились у В. А. Друцкого-Соколинского с Иваном Владимировичем Хозиковым, занимавшим должность вице-губернатора в 1910—1915 г. И. В. Хозиков стал последним имперским костромским губернатором. С ним В. А. Друцкого-Соколинского судьба снова свела весной 1917 г. в Петербурге, где отстраненные от своих должностей главы регионов ожидали своей дальнейшей участи: и минский, и костромской губернаторы по увольнении их в отставку подлежали призыву на воинскую службу...

Городской голова Г. Н. Ботников назван слабохарактерным и вялым, а сменивший его на этом посту директор фабрики Третьяковых Владимир Алексеевич Шевалдышев (муж А. Н. Третьяковой) показался мемуаристу «отчаянным карьеристом» [Там же: 259], что, впрочем, не мешало Шевалдышеву энергично и деловито приводить в порядок городское хозяйство.

В. А. Друцкого-Соколинский дает живописные портреты некоторых уездных начальников. Вот председатель Чухломской земской управы Николай Макарович Перелешин, старик с уродливым лиловым лицом, начинающий трудовой день в шесть часов утра большим стаканом водки и при этом имеющий репутацию решительного, отзывчивого и неподкупно-честного человека. Вот

председатель Макарьевской земской управы Сергей Рафаилович Михайлов, «человек буквально динамический», дамский угодник, азартный карточный игрок, острослов и смельчак, который, будучи отставным штабс-капитаном артиллерии, дело вел «по-военному, по барабану» [Там же: 257].

Выразительна фигура архиепископа Костромского и Галичского Тихона. Умный и властный владыка был, по свидетельству мемуариста, грубоват и совершенно «неотесан светски», зато его ежевоскресные службы в кафедральном Успенском соборе отличались «торжественностью, удивительным благолепием и большой молитвенною проникновенностью» [Там же: 265]. Именно архиепископ Тихон разрешил сократить срок семилетней епитимьи, наложенной на В. А. Друцкого-Соколинского после развода с женой.

В Костроме князь познакомился с офицером П. П. Парским, который впоследствии стал генералом, командиром grenадерского корпуса. В октябре 1916 г. судьба снова свела В. А. Друцкого-Соколинского, в ту пору минского губернатора, с П. П. Парским. Они встретились недалеко от передового края, в штабе корпуса, и сразу окунулись в воспоминания о милой и мирной Костроме. Генерал так расчувствовался, что незаметно опустошил стоявшие на столе бутылки с вином. Впрочем, Кострома была здесь повинна менее всего. Ужас В. А. Друцкого-Соколинского вызвало то, что судьба многих тысяч солдат зависит от человека, которого даже война не заставила отказаться от пагубной привычки. Князь поспешил прервать общение со своим костромским знакомцем и ретироваться.

Некоторые типажи заставляют вспомнить бессмертные образы русской классической литературы. Сам мемуарист щадяще называет их «курьезными» и «канткварными». Таков экзекутор губернского правления Николай Дмитриевич Свободов, вечный и неутомимый труженик присутственных мест, имевший одну маленькую слабость: в воскресение после обедни он приходил в пустое губернское правление, запирался на ключ в кабинете вице-губернатора и «севши в кресло за письменный стол, развались в самой непринужденной позе и заложив ногу за ногу, он воображал себя вице-губернатором, последовательно принимал якобы советников, непременных членов, губернского врачебного инспектора, себя самого, просителей и других...» [Там же: 224]. Причем, делал он это столь громогласно, азартно и артистично,

что, по свидетельству мемуариста, всегда находилось несколько охотников понаблюдать в замочную скважину за этим бюрократическим дивертишментом. Ну чем не гоголевский сюжет! А вот секретарь губернского правления по воинской повинности Василий Васильевич Алякритский, имевший талант и охоту затуманить даже самое простое и ясное дело: чиновник считал своим долгом переправлять исполнителям не копии ministerских циркуляров, а свои интерпретации и переложения последних, доведенные этим профессиональным крючкотвором до полной смысловой непроницаемости. Разве не достоин Василий Васильевич называться персонажем М. Е. Салтыкова-Щедрина! Впрочем, если автор «Губернских очерков» указывает на типичность худших и ничтожнейших представителей чиновничества, то В. А. Друцкой-Соколинский подчеркивает, что Свободов и Алякритский всего лишь забавные реликты, пережитки прошлого. А вот описание произведенной князем «внезапной ревизии» Ветлужской городской управы. В. А. Друцкой-Соколинский прибыл в ревизуемое учреждение прямо с пристани, с чемоданом в руках, и сразу потребовал у городского головы Николая Ефимовича Шабарова, явившегося «в заметно нетрезвом виде», предъявить кассовую наличность. «Пошарив в карманах и заявив, что ключ от кассы забыт им дома, Шабаров, извинившись, отправился домой за ключом. С этого момента я его больше не видел и вновь встретился с ним спустя три года в Костроме, в заседании судебной палаты, где он вместе с остальными ветлужскими заправилами занимал скамью подсудимых» [Друцкой-Соколинский, 2000: 50—51]. Понятно, что В. А. Друцкой-Соколинский не претендовал на лавры Тэффи или Аркадия Аверченко, но заставить читателя смеяться было мемуаристу вполне по силам.

Конечно, способы художественной отделки портретов костромских чиновников указывают на связь с традициями русского реалистического искусства. В. А. Друцкой-Соколинский признается, что тощий экзекутор Свободов с его очками на кончике носа и рыженькой бородкой «буквально просился на полотно Маковскому», а вице-губернатор Бантыш словно сошел со страниц тургеневского рассказа «Первая любовь».

Летом 1908 г. В. А. Друцкой-Соколинский получил предложение занять пост якутского вице-губернатора, однако, размыслив,

отказался от этих интересных карьерных перспектив. Мотивом такого решения стало нежелание отрываться от «жизни среднерусских губерний» и от земского дела, которое князь полюбил всем сердцем. Размышления мемуариста о проблемах земской России помогают понять причины того социального и политического недуга, который впоследствии привел страну к катастрофе 1917 г. Объехавший всю Костромскую губернию непременный член губернского по земским делам присутствия коллежский советник В. А. Друцкой-Соколинский свидетельствует, сколь остро стояла в уездных земствах проблема поиска толковых, хозяйственных руководителей. Бичом провинциальной России был всеобщий абсентеизм, нежелание землевладельцев, лесопромышленников и других рачительных хозяев заниматься общественной работой. Отсутствие конкуренции приводило к тому, что в уездных земствах бразды правления нередко захватывали не хозяйственники, а политические фразеры и годами, а то и десятилетиями единолично распоряжались уездными делами. Так, в Ветлуге безраздельно правил народный социалист Б. Л. Петерсон, потому и весь уезд имел репутацию «ярко-красного». Юрьевецкий и Костромской уезды считались либерально-kadетскими, а Чухломской (Н. М. Перелешин) и Галичский (Г. Н. Ратьков), напротив, — крайне правыми. Показательно, что образцовыми были уезды, где председатель и гласные земских управ не имели выраженных партийных симпатий, а значит, тратили свой темперамент не на политические дрязги, а на хозяйствственные заботы. В. А. Друцкой-Соколинский приводит в пример Кологривский уезд, где земскую управу возглавлял лесопромышленник Н. И. Лебединский, считавший каждую копейку и лично вникавший в каждую мелочь. В. А. Друцкой-Соколинский неоднократно — и не без гордости! — признавался, что именно служба в Костромской губернии сделала его настоящим знатоком земского дела и позволила в дальнейшем, уже на вице-губернаторском и губернаторском постах, находить оптимальные варианты решения сложных проблем. Тщанием неутомимого костромского чиновника были доведены до суда многие дела, которые сегодня непременно окрестили бы «коррупционными».

Осенью 1908 г. в Петербурге состоялась памятная встреча В. А. Друцкого-Соколинского с П. А. Столыпиным, в ту пору

министром внутренних дел. Одна страница текста, посвященная описанию этой аудиенции, предлагает нам портрет П. А. Столыпина, который можно назвать каноническим. Мы видим скрупульезного на слова, умного, основательного и волевого человека, который искренне желает блага России и знает, как этого добиться. Столыпин-политик лишен всяческого самолюбования и аффектации, а вот В. А. Друцкой-Соколинский аффектации не избегает, называя отца аграрной реформы «рыцарем без страха и упрека и гениальным государственным кормчим» [Друцкой-Соколинский, 1996: 246]. Последняя характеристика вполне созвучна тем славословиям, что раздавались в 1930-е гг., когда создавались мемуары, в муссолиниевской Италии, в гитлеровской Германии и в сталинском СССР. «Гениальный государственный кормчий» — пожалуй, это достойно передовицы советской газеты «Правда» тех лет! В воспоминаниях В. А. Друцкого-Соколинского такие высокопарфосные всплески нередки. Мемуарист в своих оценках предстает и злорадным, и кокетливым. Иногда он явно недоговаривает какие-то важные детали. Иногда, наоборот, муссирует несущественные мелочи. Впрочем, всё это окупается отсутствием притворства и лукавства.

Интереснейшая часть мемуаров содержит рассказ о подготовлениях к 300-летнему юбилею Дома Романовых и о самих торжествах. Этому сюжету посвящена отдельная публикация [Зябликов, 2013: 221—225]. Романовские празднества, с размахом прошедшие в Костроме в мае 1913 г., стали переломным пунктом в служебной карьере В. А. Друцкого-Соколинского. 18 мая 1913 г., накануне торжеств, князь, получивший к тому времени придворный чин камер-юнкера, узнал о своем назначении могилевским вице-губернатором. Пришло время прощаться с доброй, патриархальной и хлебосольной Костромой, столь ему полюбившейся. Впереди были государственная служба на западе Империи, суровые испытания мировой войны, ужас войны гражданской, вынужденная эмиграция, нелегкая жизнь на чужбине, саднящая тоска по оставленной Родине...

Костромская земля многое дала В. А. Друцкому-Соколинскому и многое приобрела взамен. В его лице губерния получила грамотного, честного, неравнодушного, деятельного управленца, обездившего (по земле и по воде) Костромскую

землю вдоль и поперек. В. А. Друцкой-Соколинский избирался действительным членом Губернской ученой архивной комиссии, он был товарищем председателя Костромского окружного правления Императорского Российского общества спасания на водах, членом Костромского управления общества Красного Креста и общества охраны от пожарного бедствия. В течение нескольких лет князь исполнял должность секретаря Губернского статистического комитета, в функции которого входили сортирование и обработка материалов, касающихся различных сторон губернской жизни — от демографии и образования до фабрично-заводского хозяйства и состояния всходов озимых хлебов.

В 1913 г. под редакцией В. А. Друцкого-Соколинского вышел справочник «Г. Кострома», содержащий информацию об истории города и рода бояр Романовых, а также сведения о личном составе учреждений Костромы, об учебных заведениях, библиотеках, банках, больницах, аптеках, гостиницах. Справочник содержит план Губернской земской выставки, подготовленной к Романовским торжествам; сведения о расписании движения поездов и пароходов, о таксе легковых извозчиков и пр. Историческая часть издания содержит материалы, подготовленные историком и этнографом Н. Н. Виноградовым (в ту пору чиновником особых поручений при губернаторе), — в том числе любопытное «Сказание о спасении от поляков Михаила Феодоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина», записанное в 1911 г. со слов некоего ямщика, подвозившего члена Губернской ученой архивной комиссии от села Коробова до Волги. Это изобилующее авантюрными хитросплетениями «сказание», по словам самого Н. Н. Виноградова, служит «типичным примером создания легенд новейшего времени, а также достаточно ясно характеризует то, как понимают это событие нынешние потомки Сусанина» [Г. Кострома: справочное издание Костром. губ. стат. Комитета. Кострома, 1913: 37—38]. Часто ли можно встретить справочное издание, которое начинается древним стихотворным текстом?

*Спаси-Бог тебе, Кострома-городу,
И честному монастырю Ипатьевому,
Что сблюл нам семена Царские
На великое Московское Государство
Всех Руси Самодержца...*

В примечаниях к тексту сказано, что он был найден Н. Н. Виноградовым «на очень древней копии» с грамоты царя Михаила Романова Богдану Собинину от 30 ноября 1619 г. [Там же: 3]. Словом, содержание и структура справочника ясно говорят о том, что составлялся и готовился он не равнодушным функционером, а радетелем за изучение, сохранение и приумножение культурных сокровищ Костромской земли, человеком, беззаботно эту землю любящим.

Заключение

Кострома сыграла важную роль в жизни В. А. Друцкого-Соколинского. Именно здесь он, по его собственному признанию, сформировался как специалист, политик и государственный деятель. Мемуары В. А. Друцкого-Соколинского представляют собой ценный источник для осмыслиения важнейшего этапа отечественной истории (1907—1913) на примере одной из корневых русских губерний — Костромской. Именно с Костромой по преимуществу связаны воспоминания и представления князя о «канонической» дореволюционной России — боголюбивой, гостеприимной, зажиточной, веротерпимой, мирной (могилевские и минские впечатления были омрачены военными событиями). Живые и неравнодушные свидетельства советника губернского правления строятся на детальном знании различных аспектов провинциальной жизни: бытового, административно-хозяйственного, правового, общественно-политического, светского, религиозного. Перо мемуариста воссоздает портреты представителей различных сословий: крестьянства, купечества, дворянства, духовенства. Ярко и емко характеризуются представители губернской управленческой когорты. Весьма выразительны впечатления уездной жизни. Автор опровергает расхожие представления о дореволюционной русской провинции как о бедном, унылом и духовно заскорузлом жизненном пространстве. В своих мемуарах о северной русской губернии бывший костромской чиновник не позволил себе ни одной пренебрежительной или высокомерной ноты.

Мемуарист не претендует на роль мыслителя или социально-политического аналитика, что ни в коей мере не умаляет значение текста как источника. Напротив, искренность, пытливость

и наблюдательность автора способствуют воссозданию плотного фона повседневности, в которой бытовал житель русской провинции начала XX в. Главными способами воссоздания исторической фактуры стали бытовая зарисовка и нравоописательный очерк — жанры, которым мемуарист отдает безусловное предпочтение и которыми, надо признать, он владеет филигранно. Предложенный автором нарратив не только погружает нас в описываемое социокультурное пространство, передает дух и колорит эпохи, но и раскрывает ценностные, мировоззренческие ориентиры, формирующие умострой типичного представителя русской аристократии начала XX столетия. Мемуары В. А. Друцкого-Соколинского не просто интересный исторический источник, не просто живое свидетельство внимательного современника событий, помогающее нам более тщательно прорисовать некоторые важные детали. Это документ, раскрывающий трагедию образованного русского человека, патриота, интеллектуала, посвятившего свою жизнь честному служению Российской Империи и вынужденно ставшего очевидцем и хроникером ее исторического краха.

Список источников

- Г. Кострома: Справоч. изд. Костром. губ. стат. ком. / под ред. и. д. секретаря комитета кн. Друцкого-Соколинского. Кострома: Костром. губ. тип., 1913. 94 с.
- Джунковский В. Ф. Воспоминания: в 2 т. / под общ. ред. А. Л. Паниной. Т. 2. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 736 с.
- Друцкой-Соколинский В. А. Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880—1914 гг.). Орел: Вариант В, 1996. 347 с.
- Друцкой-Соколинский В. А. Моя радость и грусть. Записки русского эмигранта (1920—1943 гг.). Орел: Част. изд. Александр Воробьев, 2000. 190 с.
- Зябликов А. В. Романовские торжества 1913 г. в мемуарах В. А. Друцкого-Соколинского // Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых: материалы Всерос. конф., Кострома, 2—3 марта 2013 г. / сост. и науч. ред. А. Д. Шипилов. Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н. А. Некрасова, 2013. С. 221—225.

Иванов Вс. Н. Юность и свобода: повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1987. № 7—8.

Колгушик Л. А. Костромская старина // Костромская земля: краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Кострома: Областная типография им. Горького, 1992. Вып. II. С. 21—25.

Лаговский А. В. «Всё было именно так...»: книга воспоминаний о Костроме и костромичах XX века / ред. Н. Муренин. Кострома: Линия-График, 2015. 240 с.

Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 г. / сост. Н. Н. Виноградов. Кострома: Изд. Костром. губерн. учен. арх. комис., 1914. 230 с.

Френкель З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути. СПб.: Нестор-История, 2009. 696 с.

References

- Drutskoy-Sokolinsky, V. A. (1996), *Da blagoslovenna pamiat'. Zapiski russkogo dvorianina (1880—1914)* [May the memory be blessed. Notes of a Russian nobleman (1880—1914)], Variant V, Orel, Russia.
- Drutskoy-Sokolinsky, V. A. (ed.) (1913), *G. Kostroma: spravochnoe izdanie Kostromskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [G. Kostroma: reference publication of the Kostroma Provincial Statistical Committee], Kostromskaia gubernskaia tipografia, Kostroma, Russia.
- Drutskoy-Sokolinsky, V. A. (2000), *Moia radost' i grust'. Zapiski russkogo emigranta (1920—1943)* [My joy and sadness. Notes of a Russian emigrant (1920—1943)], Chastnyi izdatel' Aleksandr Vorob'ev, Orel, Moscow.
- Dzhunkovsky, V. F. (1997), *Vospominaniia* [Memories], in Panina, A. L. (ed.), Vol. 2, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh, Moscow, Russia.
- Ivanov, Vs. N. (1987), 'Youth and freedom: a story about time and about yourself', *Dal'niy Vostok* [Far East], no. 7—8.
- Frenkel, Z. G. (2009), *Zapiski i vospominaniia o proidennom zhiznennom puti* [Notes and memoirs about the passed life path], Nestor-Istoriia, St. Petersburg, Russia.
- Kolgushkin, L. A. (1992), 'Kostroma antiquity', in *Kostromskaia zemlia: kraevedcheskii al'manakh Kostromskogo obshchestvennogo fonda kul'tury* [Kostroma Land: Local Lore Almanac of the Kostroma Public Cultural Fund], iss. II, Oblastnaia tipografia imeni Gor'kogo, Kostroma, Russia: 21—25.

- Lagovsky, A. V. (2015), “*Vse bylo imenno tak...* ”: *kniga vospominanii o Kostrome i kostromichakh XX veka* [“Everything was just like that...”]: a book of memoirs about Kostroma and Kostroma residents of the XX century], in N. Murenin (ed.), Liniia-Grafik, Kostroma, Russia.
- Vinogradov, N. N. (comp.) (1914), *Prazdnovanie trekhsoletiya tsarstvovaniia Doma Romanovykh v Kostromskoi gubernii 19—20 maia 1913 g.* [Celebration of the tercentenary of the reign of the Romanov dynasty in the Kostroma province on May 19—20, 1913], Izdanie Kostromskoi gubernskoi uchenoi arkhivnoi komissii, Kostroma, Russia.
- Zyablikov, A. V. (2013), ‘Romanov celebrations of 1913 in the memoirs of V. A. Drutsky-Sokolinsky’, in Shipilov, A. D. (ed.), *Romanovskie chteniia. 400 let okonchaniia Smuty i votsareniia dinastii Romanovykh: materialy vserossiiskoi konferentsii* [Romanov Readings. 400th Anniversary of the End of the Time of Troubles and the Accession of the Romanov Dynasty: Proceedings of the All-Russian Conference], Kostroma, Russia, 2—3 March 2013, Kostromskoi gosudarstvennyi universitet imeni N. A. Nekrasova, Kostroma: 221—225.

Статья поступила в редакцию 11.04.2022; одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 25.05.2022.

The article was submitted 11.04.2022; approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 25.05.2022.

Информация об авторе / Information about the author

A. B. Зябликов — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, культурологии и социальных коммуникаций, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет, Россия.

A. V. Zyablikov — Doctor of Science (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Culturology and Social Communications, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, Kostroma.